

ОЛЕГ КОМКОВ

ОТСУТСТВИЯ

Москва
Lulu Press
2021

УДК 82-14
ББК 84(4Рос)
84 (4/8)

Олег Комков. Отсутствия. — Москва: Lulu Press, 2021. — 51 с.

В новую книгу Олега Комкова вошли все стихи 2015—2021 годов.

Олег Комков (р. 23.09.1977) — культуролог, герменевт, переводчик, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. Оригинальные стихотворения и переводы Олега Комкова публиковались в литературных журналах России, Сербии, США.

Книги стихов и поэтических переводов: "Тихое вече" (Чикаго, 2016), "В родной близи, в родной дали..." (Чикаго, 2018), "Пенелопин дар" (Смедерево, 2019; стихи на русском и сербском в переводах Веры Хорват), "Песни любви и смерти: Йован Дучич, Ангелос Сикелианос, Герман Гессе" (Чикаго, 2021).

ISBN: 978-1-716-41406-0

© Олег Комков, 2018

Памяти моей мамы

Сергею Александровскому

Невнятным сном, что снится вещей лире,
нечаянной освобождён весной,
до времени исчезнет где-то в мире
печальный джинн, однажды бывший мной,

и, как мираж, войдёт в амарнский зной,
и станет мглой, почившей на менгире,
и взвеет пыль в заброшенной Стагире —
всему причастный и всему иной.

О той ли доле грезил в рабьем зраке
провидец Ариэль? По чьей вине
мы немы, как магические знаки,

и древле Одиссей страдал вдвойне,
не ведая, что ближе всех к Итаке
он был, когда встречал её во сне?

Юрию Лукачу

Пора, мой римский призрак, нам уйти
туда, где тлеет свет на камне узком,
швырнуть останки сердца трясогузкам
и впредь к бессмертью не искать пути,

но, пепел тишины храня в горсти,
смиренным уподобиться этрускам —
и, может быть, в глухом напеве русском
спустя столетья душу обрести.

Безумной паркой брошенную нить
колдунья-жизнь подцепит ветхой спицей,
вплетёт в узор из потайных узлов, —

и будет нас незримое манить
опять, как даль полдневных ауспиций,
где немотой сокрыты судьбы слов.

САПФИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Гаянэ

Разве только ветер, послушный пенью,
Ведал, как нежна и лучиста кожа
Той, с которой ты так безумно схожа
 Взглядом и сенью.

Только звёзды, чуждые сновиденью,
Невечерним светом коснутся ложа,
Словно строфы, сердце твоё тревожа,
 Верное бденью.

А душа, как ветер, повсюду дышит
И, как встарь, мотив эолийский слышит
 В листьях оливы.

И твоиочные власы овиты
Сокровенной дымкою Афродиты —
 Смертным на диво!

ПСИХЕЕ

Мне чудится: ты странствуешь одна,
сама себе играя пантомиму,
несчастная, как поздняя весна,
что в половодьи слёз хоронит зиму,

и тонет каждый жест, касаясь дна
холодной думы, неподвластной гриму.
Какому ледяному херувиму
от века ты бесстрастно предана?

Мне чудится: пустынnyй тает свет
над безднами, которым ты не рада,
и претворится речь в немотный бред,

и мне от мира ничего не надо:
достанет лишь отпущенного взгляда —
скользить поодаль за тобой вослед.

ОДНАЖДЫ

Однажды, в неизбывно поздний час,
что упадёт сквозь опустевший воздух,
ты пробудишься, словно бы от света
(так, верно, воскресает плоть из праха),
вглядишься в первозданный, ранний сумрак
и вспомнишь золотые грёзы Климта,
пророчившие нам о том, как чудно
любовники, закутанные в ночь,
сливаются с торжественностью мира
и кажутся на свет подобны мёртвым —
их лицам, истончившимся до яви,
их тихим, опозраченным движеньям
и бесконечно молчаливой речи,
которая втекает нам в уста,
минуя слух.

И будет близок, внятен,
как никогда, любовный этот шёпот,
связующий навек живых и мёртвых,
исполненный немых ангелогласий
и сладких тайн; и, как игла, пронзая
непостижимой для бессмертных болью
узорчатую ткань существованья,
он станет весь тобою, чистым вздохом,
и тишиной, и тенью поцелуя...

NESSUN MAGGIOR DOLORE...

Нечаянно войти сквозь дикий вир
Сладчайшего, мучительного круга
Туда, где нет ни севера, ни юга
И протяжённый иссякает мир, —

Чтоб стать осколком этой пустоты
И в мерклой коловерти умираний,
Как дивный зов, невозвратимо ранний,
Расслышать сон, которым бредишь ты...

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА

Отчего ты печальна, моя госпожа?
Оттого ли, что видишь, как в сером тумане,
Над останками дня окаянно кружа,
Ворожит вороньё, будто грезит о манне?

Оттого ли, что слышишь, как молится даль,
Где скрыта душа, обречённая бездне,
И, подобно душе, надеваешь вуаль —
Нечитаемый знак неизбывной болезни?

Для кого? Преждевременных бед не пророчь
И живым не вещай о всеведущей Лете!
Посмотри, как прекрасна беззвёздная ночь,
Что сгостила над нами однажды в столетье, —

И, как две луноокие смерти, легки,
Мы скользим, позабывши метанья и меты,
Обезмолвленным берегом той же реки,
У которой когда-то встречали рассветы.

Отчего же ты плачешь, моя госпожа?
Разве можно противиться благости рока,
О ту пору как мыслей твоих сторожа
В заколдованным сердце застыли до срока?!

Ты пребудешь со мной — пеленой, тишиной,
Что ещё никогда не была так близка мне,
Только миг — до того как проснуться одной,
Не оставив слезы на отваленном камне.

ИЮНЬ

Лилии Александровской

Споёшь ли вновь, мой вещий Гамаюн,
златую песнь о сбывающемся мираже?
Там, высоко, у райских врат на страже
стоит июнь, божественен и юн,

там душу оплетают, словно выон,
из детских грёз прозябшие пейзажи
и облако волнисто-сонной блажи
под вечер насыщает кот-баюн.

Там станет песнь предвечна и чиста,
что забытьё похищенных царевен,
чей дольний смех до времени утих, —

и вновь сомкнутся вещие уста:
так замирает мир, дремуч и древен,
пока летит над ним волшебный стих.

AESTUS

Как райский сад, исполнено пустоты,
Разлив прозрачный говор безмолвия
Над мертвенною громадой мира,
Дремлет во славе младое лето.

На долгий миг забывшаяся земля
Путями плоти входит в незримое:
Следят заворожённо души
Бездны свои в светоносных лицах.

И снежно веют явью небытия,
В небесной неге праздно рассеяны,
Подобно мыслям о минувшем,
Призрачных жизней седые тени.

С пустого неба звёзды падали
Во мглу, где мы как боги жили,
И птицы, падкие до падали,
В недвижном воздухе кружили.

Порой являлись нам из темени
Развоплотившиеся лики,
И рвал старик с больного темени
Власы, что стебли повилики,

И ворожил, и заговаривал
Чужую смерть, молча о чуде,
И тайну чёрную заваривал
В покрытом плесенью сосуде.

Но умер волхв, и позабыли мы,
Бичами времени размы, —
Как млели сказочными былями
Божественные наши зимы.

Поныне, в ту же стынь беззвездную
С мольбами руки простирая,
Мы носимся над снежной бездною
Подземного, немого рая.

И даль влечёт путями санными,
И души ропщут: явь иль сон мы?
А твердь нептичими осаннами
Взорвали ангельские сонмы.

Шум ветвей — что ветхий голос Вед:
бредящей души осенний свет.

Этот сад, возросший на крови,
райским взглядом прозревал кави:

горечь сомы, трезвый, мёртвый сон,
красоты и смерти унисон

для омывших временем главы
станут лёгким бременем листвы.

Как реченья древнего Агни,
с неба жертвой падают огни,

и в глазах медлительно горят
письмена миров, за рядом ряд...

Вязь и прорись. Вещий голос Вед.
Золотой души последний свет.

ДИПТИХ

Я не один в полуночи. Я — тот,
кому на тростниковых свитках Нила,
разлив по водам лунные чернила,
волшбу письмен дарует мудрый Тот.

Я не один в бессмертии. Я — хор
немотных теней западной пустыни,
где в снах отца, забывшего о сыне,
сокольим оком бдит небесный Хор.

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ СОНЕТ

Вере Хорват

Кому дано средь музыки планет
расслышать мир, в котором плачут камни?
...Я молча прожил миллионы лет,
когда явила молнией строка мне

на мёртвом языке оживший след, —
так Иродовы сны о Мариамне
мерцали потаённой вестью: *tam* не
проходит время и не меркнет свет...

Пока трепещет каменная грудь,
издревле полнясь тяжестью и мглою
в предвечный час искупленной вины,

мы дар покоя силимся вернуть
и, словно взгляд, скрываемся в былое,
небывшему, как смерть, обречены.

ИЗ АНТОНИО МАЧАДО

Сергею Александровскому

Однажды под вечер
весна мне шепнула:
Коль странствовать хочешь
землёю цветущей,
от речи очисти
усталую душу.
Пусть лён белоснежный
для путника будет
одеждою боли,
одеждою чуда.
Отдайся любовно
и счастью, и грусти,
коль странствовать хочешь
землёю цветущей.
Весне я ответил
под вечер на ушко:
Давно твоя тайна
мне душу замкнула:
я проклял то счастье,
что проклято мукой.
Но прежде чем кану
средь пёстрого луга,
прими приношение —
умершую душу.

Татьяне Берфорд

Из пыльной тишины, из тени схолий
вот-вот похищен будет праздный слух
вакхическою вереницей фолий:
опишет в забытьи за кругом круг —
и вдруг очнётся там, где, смертной долей
увенчанный, вознёсся Капитолий
над лепетаньем призрачных старух.

И каждый звук, что невозвратно прожит,
безумства мук и снов стократ умножит,
литоту обращая в литию.
Не так ли мысль, творенью соначальна,
благовестит по-жречески печально,
что бытиё равно небытию?

ГОСТЬ

Молча стал у низкого порога,
Глянул обжигающе, сурово —
То ли вестник, облачённый в слово,
То ли странник, потерявший Бога.

И реченье было бездыханно,
Точно говор мертвенною пустыни,
И невнятно молвило о сыне,
И таилась в воздухе осанна

Чистой мглой, окутавшей Киннерет,
Белым светом тлеющей одежды...
Опусти измученные вежды:
Явь — забвенье. Кто в него поверит?

НАВЬ

Нездешний август. Сустья. Пустыня. Зной.
Томится день в залитом глиной мифе,
что Соломон пред взором Суламифи,
увенчанный предвечной сединой.

И тяжко дремлют в нищете земной,
не помышляя о небесном скифе,
пески души, по слову тайных пифий
издревле разлучённые со мной.

HIPPO

В тебе, душа, я измеряю время:
натужно, обречённо заклинаю
мгновения, исполненные плоти,
окаменелой речью, будто грезжу
о горечи невыпитого яда,
немирной яви, несказанной были,
несносных снов, непрожитой вины.
В тебе, душа, я осязаю время,
когда потухшим взором василиска
встречаю твой небесный взор — и слёзы
твоих видений обращаю в глыбы
слепого льда, и тяжко миг за мигом
мне в сердце падает и долго, долго
на стылом сердце тает. Так я брезжу
эонами, эпохами, веками,
слежу пустые воды лет и дней
и мерный, мёртвый бег минут, подобный
течению подземных рек. Доколе
тебя, душа, мне мерить этой мерой
вещей и тел, падения и смерти?

Спроси меня о времени — я знаю:
оно стоит, не в силах шелохнуться,
разверстое полуденной пустыней,
взнесённое сияющей Голгофой;
и я бреду сквозь пламя суховея,
в седом песке увязнув по колено,
и так бреду вдоль череды мгновений,
и каждое мгновение — сокрестье.

Я вижу — но меня о том не спросишь.
Я знаю — но вовеки не отвечу.

СМЕДЕРЕВСКИЙ ТРИПТИХ

Вере Хорват

1

Лунный серп сияет над стеной Твердыни.
Ветер стылой тенью бродит вдоль Дуная,
словно скорбный деспот: бредя и стеная,
внемлет издалёка горклый дух полыни.

А наутро осень в золотой гордыне
сызнова уронит, от судьбы шальная,
капли слов, что, верно, молвила Даная:
разве только в Смерти Жизнь осталась ныне.

Разве только в Смерти? Лепотой осенней
венчаны от века сонмы воскресений,
о которых помнят берега и виры.

Поздний гость, предавший душу снам и мукам,
пропою отсюда самым сербским звуком,
что извлечь способен я из русской лиры.

2

Чистый свиток полдня. Пред немотным взглядом
потаённой речью осребрились воды:
говор вечно юной и больной природы
вновь течёт беспечно вдаль, с душою рядом, —

к тем краям, где, внемля канувшим обрядам,
в камне тихо тлеет след лепенской оды
и винчанской мглою овеает годы
чья-то весть, что станет снадобьем иль ядом...

Чист поныне свиток. Точно дуновенье,
к пустости полдневной льнёт благословенье
смедеревской сени. В странной той прохладе

я вдыхаю терпкий аромат из джезвы
и слежу, как брезжат, ревностны и резвы,
ласточкины мысли на предвечной глади.

3

Лунный серп остынет. Ночь коснётся стали
нежно и тревожно, точно старый воин —
верного оружья. В песенной печали
звёздный голос ветра будет строг и строен.

Ночь коснётся сердца. Кем, скажи, мы стали
за века забвений, смут, любовей, боен?
С думой о прощеныи, с грёзой о начале
брежу древней тайной, коей недостоин.

Серебристых былей мреет вереница...
Я вернусь, и въяве снова мне приснится
Сербия, как сердце, слёзная, больная.

И на млечных тропах памяти и веры,
в дуновеньи мира, что не знает меры,
я услышу спевы светлых дев Дуная.

Вчерашней тени руку протяни,
такой родной, далёкой, близкой тени:
она глядит с тоской о тяготеньи
в твои пустые дни. Рыдай, стони,

стань ветром средь обуглившихся стен,
стань морем забытья, в котором тонет
прощальный глас, непрожит и непонят, —
молчанье всепрощающих устен.

На дальнем берегу, у мглистого причала,
где дальний меркнет путь, оконченный вчерне, —
которая из двух сестёр тебя встречала,
сокрившись до поры в колеблемом челне?

И явится опять, как прежде, небывало:
её небесный взор тебя насквозь проник.
Которая из двух откинет покрывало
и обнажит во тьме последний, близкий лик?

И расплеснутся вдруг полуденные чары
из ветхого «теперь» в извечное «тогда»...
Не вымолишь вины. Не выторгуешь кары.
Не вымолвишь хвалы. Не вымолчишь стыда.

ПЕЙЗАЖ

Как присносущный Геркуланум
под толщей пепла и песка,
в душе покоится тоска
о слове, прежде век закланном.

Оно воскреснет там, где мгла
сокрыла сумрачный Везувий
моих молчаний и безумий, —
чтоб мир, как древле, сжечь дотла.

ОТСУТСТВИЕ

Безмерен тайный час, в котором время
отринуто, как даль в оконной раме,
что меркнет странно древними кострами —
неверный знак неведомой триреме;

безвиден тайный лик в предмирном Риме,
до времени презренный всеми, кроме
теней, что втуне бредят о пароме
у пристани, где вбито в мрамор имя.

Неверный знак неведомой триреме
у пристани, где вбито в мрамор имя,
отринуто, как даль в оконной раме,
и бредит втуне древними кострами, —
до времени презренный всеми, кроме
теней, что странно меркнут на пароме,
безмерен тайный час в предмирном Риме,
безвиден тайный лик, в котором — время.

НАВАЖДЕНИЕ

Пришла пора невидимого снега.
Пустая мгла в провалы дней легла.
И беспросветна полночь, и светла,
как древней смерти альфа и омега.

И Симон Маг расправит вновь крыла,
проросшие на зов иного брега,
и тенью мысли бросится с разбега
в воздушный сон из мутного стекла...

Так беспросветна тайна, так светла!
Близка пора неведомого снега.

ОТРЫВОК

Отчаянно блуждая в море слов,
всегда чужих, недостижимо-близких,
чей шум нездешен, а молчанье — пусто,
подолгу ждёшь, когда на горизонте
привидится объятый дымкой берег,
совсем иной, чем те, что снились раньше,
и медленно рассеется, подобно
тому прикосновенью дальней речи,
совсем иной, чем те, что снились раньше,
в котором редкий изреченный миг
ещё парил над вековечным гулом;
и обрести надеешься однажды
родной удел, где нет ни бытия,
ни времени, и точно так же нет
небытия, а значит, непогоды:
от памяти бестрепетно очнуться
на самой странной из мирских окраин,
где камни грезят наяву о солнце
и древний день пронизан древней ночью
сапфировых просторов, и услышать,
как чья-то волноокая печаль
заговорит с тобой по-финикийски...

Сергею Шелковому

...τὰ τῇ φύσει φανερώτατα πάντων.
Arist. Metaph., α 1, 993b11

Доколь уста себя не обрели
и стонет вавилонская громада,
таятся в слове, убегая взгляда,
прозрачнейшие из вещей земли.

Не дар, но долг, о Муза, нам пошли!
В какой глухи, у врат какого ада
молитвою поэта и номада
наш дольний слух избавится от тли?

...Вмешая пустоту времён и мест,
овеян сенью тысячи Касталий,
из вечности исторгнутый пророк

несёт за нас непостижимый крест
усталых слов, что вещей плотью стали
и откровенья ждут в урочный срок.

Пустую ночь, как Пенелопин дар,
я выпускаю медленно из рук
в ёщё ничем не тронутый покой —
и осязаю ту глухую страсть,
что разрешает немоту земли
в ёщё никем не высказанный свет.

Ещё ничем не отражённый свет,
над безднами разлив свой чистый дар,
прильнул однажды к веществу земли
касаньями тайновещанных рук —
и было утро, и питала страсть
ёщё никем не прожитый покой.

Ещё никак не названный покой
мне открывает ныне скорбь и свет,
как будто время — призрачная страсть,
негаданно ниспосланная в дар
сновидчески-прозрачным теням рук, —
теперь восходит вдруг из-под земли,

ёщё никем не призванной земли,
что испокон веков таит покой
для странников, отбившихся от рук
и возлюбивших только звёздный свет,
ёщё ничем не сделавшийся дар,
которым души осеняет страсть,

ёщё ни в ком не сбывающаяся страсть.
Так смертные приемлют от земли
ёщё ни в чём не обретённый дар,

вкушая, словно боги, свой покой,
покуда бесконечно тихий свет
хранит себя в благословенныи рук.

Я выпускаю медленно из рук
неказанное слово — смерть и страсть,
пустую ночь, вмещающую свет:
ещё неразличимый лик земли
мне возвещает волю и покой,
бесплотные, как Пенелопин дар.

И речью рук, подобной снам земли,
немая страсть преносится в покой,
и дарит свет, и освящает дар.

Быть может, пустотой раскрытых век,
хранящей бездну красоты и страха,
ещё способны мы из царства праха
провидеть и призвать небывший век.

И, терпким вкусом оцта и вина
насытив дни, что на расправу скоры,
в прозрачнейшую осень Терпсихоры
войдут из мглы другие времена.

Ничейный сад, ничейная пора:
трава и звёзды, птицы и деревья
до срока день соединили с ночью.

И сумерек немыслимая тяжесть
прозрачна, как твоё земное имя
на кончике пера и языка.

Слова подобны теням: не родившись,
уже исчезли.

До скончанья века
я обречён молчать и говорить
на языке, которого не знаю.

Явился сон: приснилась явь:
как будто в до-мажорной гамме
ищу оброненный богами
кристалл-диез.

Очнись! оставь

безумным звукам их покой —
не то свою погубишь душу!

Но древней клятвы не нарушу:
я — тот, кто сам себе другой.

ПЕЙЗАЖ БЕЗ РЕКИ

За бытиём не слышно забытья.

Всего верней о том вещают реки,
чьей ревностной и потаённой были
при жизни нам постигнуть не дано.

Все до одной, они впадают в Лету
и мыслят ею, недоступны речи,
как недоступен мёртвым здешний шум.

(Я думаю о Вохонке, что еле
течёт, едва струится через город,
в котором я родился, и местами
вот-вот иссякнет. Помню, в детстве слышал,
что некогда по ней ходили баржи, —
и это всё, что слышал я, как будто
её невнятный, невозможный голос
пресуществился в слухи о былом
и по-другому не достиг бы слуха.
И много лет уже она мелеет,
и млеет в исчезанье, словно времяя,
и мреет в смерти, и истаять медлит,
от всех таясь.)

Написанное в скобках
читать почти бессмысленно — ведь каждый
по-честному заворожён бывает,
пожалуй, только собственным небывшим.

И в забытьи не видно бытия.

КА

К ночному прильнув окну
из тьмы, где молкнет камыш,
присниться шальному сну,
что он — летучая мышь,

и таять, как вещий след,
под утро тенью в углу:
взирая на первый свет,
таить последнюю мглу.

Разве тем немногим посвящённым,
кто до срока с мёртвыми отведал
вечно пресных маковых росинок,
выпадает, будто горсть созвездий,
этот непосильный для бессмертных
и для смертных непостижный жребий:
обрести своё чужое имя
в пустоте меж небом и землёю,
и отречься от земли и неба,
и обречься только язвам речи,
чтобы жизнь прожить в миндалевом лимбе,
в самом трезвом средь земных безумий,
и покинуть узкими вратами
цитадель из памяти и пепла,
и, пройдя сквозь тлеющее время
по излуке вдоль пределов мира,
изнести навстречь немому сердцу,
как благодаренье и проклятье,
бремя слов, что спасены для смерти,
и уйти, не проронив ни слова.

Забрести в обезмолвленный сад,
и тропинки читать наугад,
и учиться у мёртвой листвы,
забывая, что души черсты,
и, взирая на призрачный час,
что в руинах ветвей не угас,
осязать холодающий свет,
вспоминая, что сущего нет.

Обрести заколдованный сад,
с чьим-то шагом ступать невпопад,
и кружить, как листы, как волхвы,
вспоминая, что тени мертвы,
и под сенью несбыточных глаз,
будто в первый и тысячный раз,
постигать верещанье планет,
забывая, что сущего нет.

ДАР

Злате Коцич

Как древле — небо, предзимнее.
Заберёт ли дары мои, помыслы,
безвидной жертвой восшедшие
в пустоту воздúхов? Уже потеряны
для авгурьего взгляда.
Пусть летят: это ласточки,
коим отпущено время,
чтобы целыми днями могли они
петь о Печали,
чтобы печься могли об иной печали,
иноземной ли, околоземной, —
а со мною оставили только
золотую золу, толику
обетованья, словущую, словно
скудный свет в конце ноября.
Так створяется мир, смеркается
маловерное время, свиваясь
в истый исток. *Anima minima.* Меньше
самого малого из даров земли.
Сгусток речи, скудельной.

Вере Хорват

τὸ πνεῦμα ὅπου θέλει πνεῖ

Длинная тень покоя
для безмирного духа.

Желание
— воздух, воздетый
к месту души.

Руки впадают в устье речи,
реки текут и текут
в месторечье,
где вместо речи
— немотный тотем и нумен.

То сагу слагает глас.

Вход
в место души:

вместо души
— вдох.

И снидет год, предвечно стар и нов,
и время вспыхнет вновь рассыпавшимся кругом,
и станут вдруг сбываться друг за другом
последние из потаённых снов;

и за крутым порогом забытья
останется, одна в своей небесной славе,
играть, не отличая сна от яви,
душа, синичья тень, почти ничья.

Я грежу римы, криты и египты;
се, голоса — бессветные виденья,
с которыми вступаю в полдень я,
как бы под своды тайнозданной крипты.

А ты, златых цепей раздравший звенья,
мой древний зверь души, — давно охрип ты,
вздымая рёвом горные хребты
по ту и эту сторону забвенья.

Как с ночью день, с душою расстаюсь
и бледноликим символом скитаюсь
вдали пустых имён и смутных толп —

тень, о своей забывшая длине
и плотью эха ставшая в долине,
где соляной не вознесётся столп.

МЕСТО НОКТЮРНА

Который час как затаился воздух,
неотличим от соловьиных песен,
и где-то рядом наступила полночь
— как будто тень отбросила душа.

Не торопись: ещё осталось время
для лучшего, чистейшего прощанья,
чем то, которому земные звуки
даруют вес, и власть, и ритм, и плоть,
в котором тщетно мнит соединиться
издревле обречённое разладу
и празднует наедине с собою
свой скорбный миг.

Ещё осталось время
побыть никем из тех, кто ищет встречи
на всех мостах, меж всеми берегами,
над всеми безднами померкших вод,
побыть ничем из названного словом
и сладостно пропетого, доколе
неприкасаемый способен воздух
пресуществиться в соловьиной песне.

(О ком, кому я возвещаю говор,
хранящий в сердцевине пустоту?)

Немая музыка не умолкает,
и то, чего вовеки не бывало,
не ведает конца.

А где-то рядом
уже прозрачное темнеет утро
огромным и несбыточным простором
— как будто тень отброшенной души.

Как в летний полдень, мглисто и светло,
как зимним утром, смутно и хрустально
довлеют на душе покой и тайна,
когда глядишь сквозь тусклое стекло
в лицо развоплотившемуся миру...

— неужто в самом деле ты готов
облечься в эту схиму, как в порфиру,
обречься рабству символов и слов?

Lulu Press, Москва 2021.
Формат бумаги 148x210. Печать офсетная.
Гарнитура Calibri. Объем п.л. 7,1.
Отпечатано в США
с готового оригинал-макета.